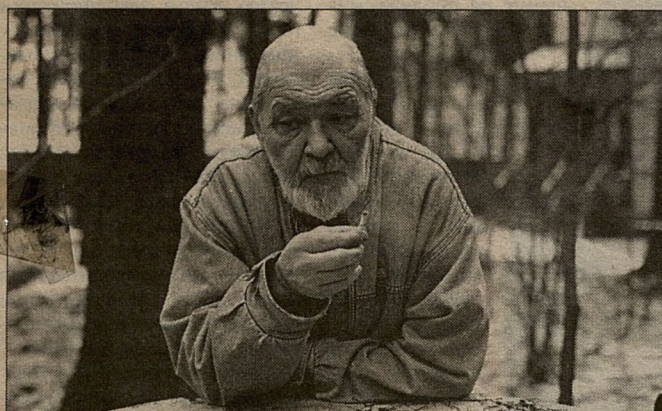

Новое слово — с. 12-13

Виктория ИВЛЕВА

Юрий КАРЯКИН

«Знаете ли вы, сколь может быть силен один человек?»
(Из Ф. Достоевского)

Это — заметки из моего «Дневника русского читателя», записанные с ноября 1962 года по сегодня. Часть из них (самая наименьшая) была высказана публично...

Ноябрь 1962-го. Прага

Вдруг обожгло: разговор Ивана Денисовича с Алешей-баптистом в лагере, на нарах, — это же «разработка» темы о Боге и Божьем мире из «Братьев Карамазовых» (Иван и Алеша — в трактате «Столичный город», глава «Бунт»).

Иван Денисович: «Алеша, я же не против Бога, понимаю. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад...»

Ноябрь 1964-го. Рязань

А.И.С. подтвердил мою догадку: «Один день...» писался вслух. Стало быть, и читать-понимать его тоже надо вслух.

31 января 1968-го. Из выступления на вечере памяти А. Платонова в ЦДЛ

Я должен сказать о гениальном писателе нашей страны Александре Исаевиче Солженицыне, сказать тем людям, которые вешают на него сейчас всевозможные ярлыки: не спешите! Посмотрим еще, где будет он и где окажутся вы через 10–20 лет в истории нашей культуры? Ну и, разумеется, вы, ненавистники Солженицына, пытаетесь воскресить Сталина. И тоже ведь ничего не выйдет. Черного кобеля не отмоешь добела.

22 июля 1985-го

Мне особенно дорого такое признание А.И.С. из «Архипелага ГУЛАГ»: «Оглядясь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительным, и я все порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна... Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце и через все человеческое существо».

сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами...

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира. Но можно в каждом человеке его потеснить.

С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла, а не разбирая впопыхах и носителей добра — само же зло еще увеличенным, берут себе в наследство.

С себя, с себя он начинает покаяние, а потому-то неотразимо убедительным и становится его призыв к покаянию в том или ином, вольном или невольном, платоническом или физи-

пор категорически против публикации «Архипелага ГУЛАГ». Стало быть, сами-то читали. И знают великолепно, что за чтение «Архипелага» людям давали «срока». Так почему же они друг другу не дали такие же «срока»? Читают же антисоветчину...

Сентябрь 1988-го

А я бы «юноше, обдумывающему житье», сказал (и говорил своим ученикам-старшеклассникам и своим студентам): есть две книги, без которых нельзя, безнравственно вступать в наш мир, — «Бесы» и «Архипелаг ГУЛАГ». Две книги, обрамляющие законченный исторический цикл. Первая — гениально-художественное предчувствие, предупреждение перед входом в коммунистический ад. Вторая — исследование этого ада на выходе из него.

2 июня 1989-го. Из выступления на I Съезде народных депутатов СССР

Михаил Сергеевич! У меня к Вам просьба как к Президенту. Я хотел бы, чтобы наш Съезд поддержал ее. Просьба такая: вернуть российское наше гражданство человеку, который первым осмелился сказать правду о сталинщине, который первый призвал и себя, и нас не лгать, — великому писателю земли Русской, великому гуманисту Солженицыну.

Вы нашли общий язык с «железной леди». Вы нашли общий язык с Бушем и Рейга-

президент с американской стороны, бывший полковник. Он и подарил мне этот портрет. Выяснилось: автор — американский юноша, прочитавший «Архипелаг ГУЛАГ» и потрясенный им. Портрет с успехом экспонировался на выставках, и полковник его купил. Я сначала отказался от столь щедрого подарка. А потом предложил: «Поедем вместе в Вашингтон и подарим портрет российскому посольству». Так и сделали. Тогдашний посол В.П. Лукин с благодарностью принял подарок, и портрет одно время висел при входе в посольство. А когда Лукин возвратился на родину, вернул портрет мне.

Достоевский говорил о всемирно-исторической отчужденности русского народа. Я не думаю, во-первых, чтобы это было нашим исключительным свойством. И американский юноша лишь раз доказал это. А во-вторых, где была наша всемирно-историческая отзывчивость, когда Сталин с Гитлером делил Польшу, присоединил Прибалтику, когда «спасали» Чехословакию, когда воевали в Афганистане?..

Портрет написан в 1977 году. Теперь, наверное, автору около 40. Я, к сожалению, не знаю его имени и его дальнейшей судьбы. Однако надеюсь, что он, может быть, отзовется через интернет.

10 апреля 1994-го

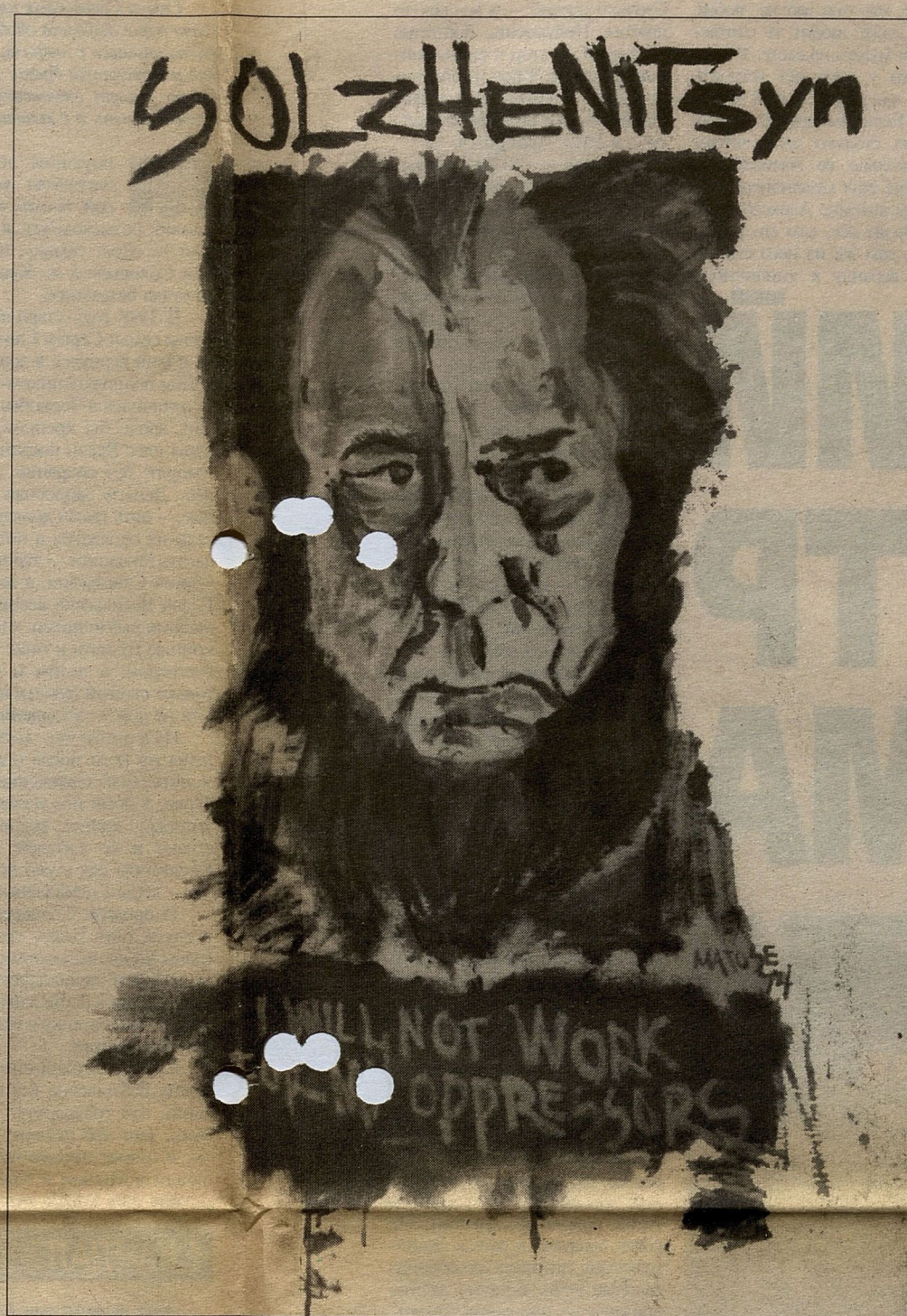
«Ленин в Цюрихе». Великолепно о том, как осенило

1965-м — насчет марксизма-ленинизма. Я тогда еще — из последних сил — цеплялся за «Единственно Верное». Но... не чувствовал — не по аргументам, не по логике — а просто по его голосу, тону, ладу, что он — прав, а я — нет. Но не мог еще признать себе в этом. И вспомнил тогда же Рогожина, который сказал (цитирую не дословно, но доподлинно): почему, князь, я не то что слову твоему верю, а голосу твоему... Голос, если прислушаться, всегда выдает душу и дух человека...

11 декабря 2000-го. Три небывалости «Одного дня Ивана Денисовича»

Во-первых. Когда в ноябре 1962-го была опубликована эта повесть, потрясение — и у нас, и во всем мире — было беспримерным. Пожалуй, никогда еще первое произведение безвестного доселе автора не производило столь всеобщего и оглушающего, и просветляющего впечатления, столь небывалого и непосредственного отклика и столь небывалого раскола в оценках.

Но далеко не сразу и далеко не все (даже и до сих пор) поняли, что произошла не какая-то социально-политическая сенсация разоблачения сталинизма, а настоящий взрыв духовно-нравственно-религиозного сознания, взрыв посредством художественного слова.

Никто не знал об этом, кроме самого А.И. Солженицына.

Не было даже Гете в резерве, когда он писал своего «Вертера», — «Фауста». Не было в резерве и у юного Пушкина ни «Евгения Онегина», ни «Бориса Годунова». И у Толстого не было во время «Детства...» — «Войны и мира»...

«Один день...» — лишь малюсенькая верхушечка айсберга, о которую разобьется «Титаник» коммунизма.

О, если б «они» там, наверное, только знали обо всем этом! Спасала (до поры до времени) жесточайшая конспирация.

Тем временем Солженицын начал обрастать добровольными помощниками, не говоря о десятках, если не сотнях тысяч сторонников.

Но когда в октябре 1964 года произошел государственный переворот (сняли Хрущева) и в Беловежской Пуше происходило по этому поводу совещание «братских партий», некоторые участники высказались за то, чтобы не было никаких Иванов Денисовичей и «аполотетических» статей о Солженицыне. Сдохнули.

...В походе Солженицына были отклонения, ошибки, даже поражения.

Но... Попробуйте, если хватит воображения и опыта, представить себя на его месте...

Начиная с середины 60-х были уже запреты на принятие в редакциях его книги, арест архивов, непрерывная слежка, было покушение на смертоубийство при «гуманнейшем» Андропове, наконец, арест самого А.И. и высылка его за границу (12–13 февраля 1974-го).

Но, несмотря ни на что, главная цель была достигнута.

В июле 1990-го Солженицын мог наконец сказать: «Часы коммунизма свое отбили».

Убежден: без А. И. Солженицына они протикали бы подольше.

И ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ОН СКАЖЕТ

Александр Исаевичу Солженицыну 30 025 дней (или приблизительно 85 лет)

сказания властей (Хрушев), ничего в нем не понимая, не догадываясь, что это — попытка использовать лишь первый («разведывательный») ход в небывалой примитивной и сугубо политическом расчете.

Они, верхи (далеко не все), не разобравшись, следили за первым шагом неслыханную премию (в апреле 1964-го).

Вот была бы потеха — если сразу, если бы он не отказался, что было бы вполне возможно: премия эта на какое-то время прикрывала бы его, оттянула или смячила будущую абсолютную неизбежную травлю. А если бы даже и дали, а он бы взял, скандал-потеха случился бы позже, когда дарители сообщали бы, наконец, что наступили на грабли. Так или иначе — не дали, но могли

Третье. Уж совсем никто не догадывался, что это — попытка использовать лишь первый («разведывательный») ход в небывалой примитивной и сугубо политическом расчете.

Они, верхи (далеко не все), не разобравшись, следили за первым шагом неслыханную премию (в апреле 1964-го).

Никто не догадывался, что у автора уже был выработан на поверхность-политический, а мировоззренчески-духовный, стратегический план этого похода — одного человека против многомиллионной армии тех, кого Достоевский назвал «бесами», создавшими, казалось, абсолютно неприступную крепость-систему на полмира. А у этого человека было только одно-единственное оружие: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛО-

Никто не знал, что план этот начал грезиться ему еще с 18 ноября 1936 года.

Наконец, никто не знал, что уже был задуман «Раковый корпус» (1955), что задуман и начат был «Архипелаг ГУЛАГ» (1958) и что в 1963-м началась работа и над «Красным колесом» (название определится в 1965-м).

С десятком батальонов и полков стояли наготове, в резерве, ждали только своего часа-приказа — выступать, а главные ударные армии («Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо») уже формировались.

Однако сразу же за приведенными словами, в разгар нарастающей эйфории от приближавшейся, казалось, победы он сказал и другие слова: «Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам, вместо освобождения, не расплюснуться под ее развалинами».

Все это сбывается. Пока. (См. А. И. Солженицын «Россия в обвале», 1978)

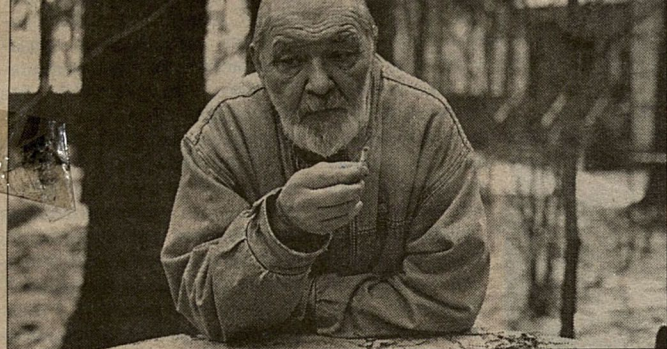
Неужто недавний визит В. В. Путина к Александру Исаевичу означает начало «просвещенного абсолютизма»?

P. S. 6 декабря 2003-го

Два слова о мелком и глупом казнокрадстве в отношении к А.И. Солженицыну на страницах одной популярной газеты. Совет автору: поменьше показываться на людях. Вдруг вспомнят благородную старину — и мало что руки не подадут, еще и пощечинной пожалуют. Нет ничего отвратительней всеобщего хамства

Солженицын А.И.

Виктория ИВЛЕВА

Юрий КАРЯКИН

**«Знаете ли вы, сколь может быть силен один человек?»
(Из Ф. Достоевского)**

Это — заметки из моего «Дневника русского читателя», записанные с ноября 1962 года по сегодня. Часть из них (самая наименьшая) была высказана публично...

Ноябрь 1962-го. Прага

Вдруг обожгло: разговор Ивана Денисовича с Алешей-баптистом в лагере, на нарах, — это же «разработка» темы о Боге и Божьем мире из «Братьев Карамазовых» (Иван и Алеша — в трактире «Столичный город», глава «Бунт»). Иван Денисович: «Алеша, я же не против Бога, понимаю. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и в ад...».

Иван: «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почитательнейше возвращаю».

Какая «гущина» текста и, одновременно, свободного простора. Какие глубины чувств-мыслей — в сущности, в малюсенькой «сотке» бумаги.

Ноябрь 1964-го. Рязань

А.И.С. подтвердил мою догадку: «Один день...» писался вслух. Стало быть, и читать-поинимать его тоже надо вслух.

31 января 1968-го. Из выступления на вечере памяти А. Платонова в ЦДЛ

Я должен сказать о гениальном писателе нашей страны Александре Исаевиче Солженицыне, сказать тем людям, которые вешают на него сейчас всевозможные ярлыки: не спешите! Посмотрим еще, где будет он и где окажутся вы через 10–20 лет в истории нашей культуры? Ну и, разумеется, вы, ненавистники Солженицына, попытайтесь воскресить Сталина. И тоже ведь ничего не выйдет. Черного кобеля не отмоешь добела.

22 июля 1985-го

Мне особенно дорого такое признание А.И.С. из «Архипелага ГУЛАГ»: «Оглядысь, я увидел, как всю сознательную жизнь не понимал ни себя самого, ни своих стремлений. Мне долго мнилось благом то, что было для меня губительным, и я все порывался в сторону, противоположную той, которая была мне истинно нужна... Постепенно открылось мне, что линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце и через все человеческие

сердца. Линия эта подвижна, она колеблется в нас с годами...

С тех пор я понял правду всех религий мира: они борются со злом в человеке (в каждом человеке). Нельзя изгнать вовсе зло из мира. Но можно в каждом человеке его потеснить. С тех пор я понял ложь всех революций истории: они уничтожают только современных им носителей зла, а не разбирая впопыхах и носителей добра — само же зло еще увеличенным, берут себе в наследство».

С себя, с себя он начинает покаяние, а потому-то неотразимо убедительным и становится его призыв к покаянию в том или ином, вольном или невольном, платоническом или физи-

И ЕЩЕ НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ОН СКАЖЕТ

ческом соучастии в злодеяниях. Но ведь слишком часто слышатся такие ответы на призывы: «Нам каяться не в чем! Мы свои убеждений не меняем!»...

Пушкин — каялся, Достоевский и Толстой — каялись, Чехов... А этим — «не в чем!». А еще стоят со свечками в храме Христовом...

Достоевский: «Вы говорите, что нравственно лишь поступать по убеждению. Но откуда же вы это вывели? Я вам прямо не поверю и скажу напротив, что безнравственно поступать по своим убеждениям. И вы, конечно, уж ничем меня не опровергнете. <...> Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям. Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои убеждения? Проверка же их одна — Христос...».

Май 1986-го. Из выступления на первом вечере в честь Солженицына в Доме кино

Я знаю несколько людей на самом верху, которые до сих

Сентябрь 1988-го

А я бы «юноше, обдумывающему житье», сказал (и говорил своим ученикам-старшеклассникам и своим студентам): есть две книги, без которых нельзя, безнравственно вступать в наш мир, — «Бесы» и «Архипелаг ГУЛАГ». Две книги, обрамляющие законченный исторический цикл. Первая — гениально-художественное предчувствие, предупреждение перед входом в коммунистический ад. Вторая — исследование этого ада на выходе из него.

2 июня 1989-го. Из выступления на I Съезде народных депутатов СССР

Михаил Сергеевич! У меня к Вам просьба как к Президенту. Я хотел бы, чтобы наш Съезд поддержал ее. Просьба такая: вернуть российское наше гражданство человеку, который первым осмелился сказать правду о сталинщине, который первый призвал и себя, и нас не лгать, — великому писателю земли Русской, великому гуманисту Солженицыну.

Вы нашли общий язык с «железной леди», Вы нашли общий язык с Бушем и Рейганом. Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Бушем и Рейганом.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

Вы нашли общий язык с Папой Римским — они же не перестали быть антикоммунистами — и нашли этот язык на почве гуманизма. Неужели мы с Солженицыным не найдем на этой почве общий язык? Подумаем о том, что если бы жили сейчас Пушкин, Достоевский, Толстой, то неужели бы мы с вами им понравились? Ну и что? За это их выслать? Мы не простим себе (мысль эта впервые высказана Астафьевым), мы не простим себе никогда, и поэтому нам не простят, если мы не сделаем этого.

ник. Он и подарил мне этот портрет. Выяснилось: автор — американский юноша, прочитавший «Архипелаг ГУЛАГ» и потрясенный им. Портрет с успехом экспонировался на выставках, и полковник его купил. Я сначала отказался от столь щедрого подарка. А потом предложил: «Поедем вместе в Вашингтон и подарим портрет российскому посольству». Так и сделали. Тогдашний посол В.П. Лукин с благодарностью принял подарок, и портрет одно время висел при входе в посольство. А когда Лукин возвратился на родину, вернул портрет мне.

Достоевский говорил о всемирно-исторической отзывчивости русского народа. Я не думаю, во-первых, чтобы это было нашим исключительным свойством. И американский юноша лишь раз доказал это. А во-вторых, где была наша всемирно-историческая отзывчивость, когда Сталин с Гитлером делил Польшу, присоединил Прибалтику, когда «спасали» Чехословакию, когда воевали в Афганистане?..

Портрет написан в 1977 году. Теперь, наверное, автору около 40. Я, к сожалению, не знаю его имени и его дальнейшей судьбы. Однако надеюсь, что он, может быть, ответится через интернет.

10 апреля 1994-го

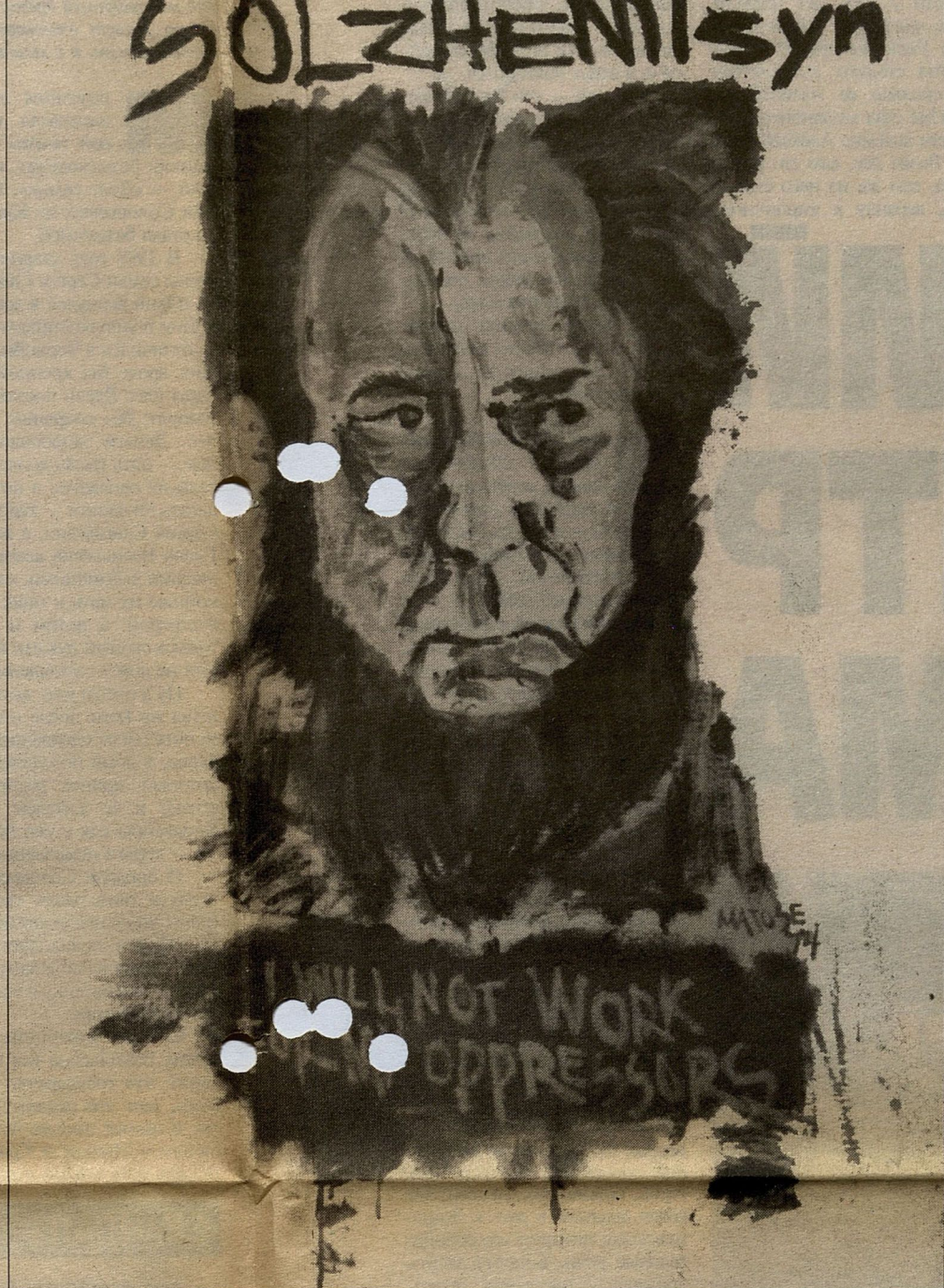
«Ленин в Цюрихе». Великолепно о том, как осенило

последний этап этой поездки. Он и подарил мне этот портрет. Выяснилось: автор — американский юноша, прочитавший «Архипелаг ГУЛАГ» и потрясенный им. Портрет с успехом экспонировался на выставках, и полковник его купил. Я сначала отказался от столь щедрого подарка. А потом предложил: «Поедем вместе в Вашингтон и подарим портрет российскому посольству». Так и сделали. Тогдашний посол В.П. Лукин с благодарностью принял подарок, и портрет одно время висел при входе в посольство. А когда Лукин возвратился на родину, вернул портрет мне.

11 декабря 2000-го. Три небывалости «Одного дня Ивана Денисовича»

Во-первых. Когда в ноябре 1962-го была опубликована эта повесть, потрясение — и у нас, и во всем мире — было беспримерным. Пожалуй, никогда еще первое произведение неизвестного доселе автора не производило столь всеобщего и оглушающего, и просветляющего впечатления, столь небывалого и непосредственного отклика и столь небывалого раскола в оценках.

Но далеко не сразу и далеко не все (даже и до сих пор) поняли, что произошла не какая-то социально-политическая сенсация разоблачения сталинизма, а настоящий взрыв духовно-нравственно-религиозного сознания, взрыв посредством художественного слова.

Александр Исаевич Солженицыну 30 025 дней (или приблизительно 85 лет)

словения властей (Хрушев), не догадывался, что это — попытка использовать его в своих сиюминутных примитивных и сугубо политических расчетах.

Они, верхи (далеко не все), не разобравшись, слурдучуть не пожаловали ему Ленинскую премию (в апреле 1964-го).

Вот была бы потеха — или сразу, если бы он не отказался, что было бы вполне возможно: премия эта на какое-то время прикрывала бы его, оттянула или смягчила будущую абсолютно неизбежную травлю. А если б даже и дали, а он бы взял, скандал-потеха случился бы позже, когда дарители сообщали бы, наконец, что наступили на грабли. Так или иначе — не дали, но могли...

Во-вторых. Еще не бывало, чтобы такое произведение было опубликовано с благо-

Третье. Уж совсем никто не догадывался, что это — первый («разведывательный») ход в небывалой шахматной партии, рассчитанной на сотни ходов вперед. Точнее: сделан был лишь первый шаг неслыханного многодесятилетнего похода.

Никто не догадывался, что у автора уже был выработанный поверхностно-политический, а мировоззренчески-духовный, стратегический план этого похода — одного человека против многомиллионной армии тех, кого Достоевский назвал «бесами», создавшими, казалось, абсолютно неприступную крепость-систему на подмине. А у этого человека было только одно-единственное оружие: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СЛОВО — КНИГИ.

Никто не знал, что план этот начал грезиться ему еще с 18 ноября 1936 года.

Наконец, никто не знал, что уже был задуман «Раковый корпус» (1955), что задуман и начат был «Архипелаг ГУЛАГ» (1958) и что в 1963-м началась работа и над «Красным колесом» (название определится в 1965-м).

С десятков батальонов и полков стояли наготове, в резерве, ждали только своего часа-приказа — выступить, а главные ударные армии («Архипелаг ГУЛАГ» и «Красное колесо») уже формировались.

Р. С. 6 декабря 2003-го

Два слова о мелком и глупом пакостничестве в отношении А.И. Солженицыну на страницах одной популярной газеты. Совет автору: поменьше показываться на людях. Вдруг вспомнят благодородную старину — и мало что руки не подадут, еще и пощечины пожелают. Нет ничего отвратительней безжизненного хамства тех, кого А.И.С. обозначил «образованничной».

Не было даже Гете в резерве, когда он писал своего «Вертера», — «Фауста». Не было в резерве и у юного Пушкина ни «Евгения Онегина», ни «Бориса Годунова». И у Толстого не было во время «Детства...» — «Войны и мира»...

«Один день...» — лишь малюсенькая верхушечка айсберга, о которую разобьется «Титаник» коммунизма.

О, если б «они» там, наверное, только знали обо всем этом! Спасала (до поры до времени) жесточайшая конспирация.

Тем временем Солженицын начал обрывать добровольными помощниками, не говоря о десятках, если не сотнях тысяч сторонников.

Но когда в октябре 1964 года произошел государственный переворот (сняли Хрущева) и в Беловежской Пуше происходило по этому поводу совещание «братских партий», некоторые участники высказались за то, чтобы не было больше никаких Иванов Денисовичей и «аполло-гетических» статей о Солженицыне. Спихивались.

...В походе Солженицына бывали отклонения, ошибки, даже поражения.

Но... Попробуйте, если хватит воображения и опыта, представить себя на его месте...

Начиная с середины 60-х были уже запреты на принятие в редакциях его книги, арест архивов, непрерывная слежка, было покушение на смертоубийство при «гуманнейшем» Андропове, наконец, арест самого А.И. и высылка его за границу (12–13 февраля 1974-го).

Но, несмотря ни на что, главная цель была достигнута.

В июле 1990-го Солженицын мог наконец сказать: «Часы коммунизма свое отбили».

Убежден: без А. И. Солженицына они протикали бы подольше.